«ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА» МАКСА ВЕБЕРА В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

О.О. Тихоненко

Наступивший в 2008 году глубокий финансово-экономический кризис пробудил повышенное внимание к творческому наследию Макса Вебера. Центральным в развернувшейся дискуссии оказался вопрос о связи генезиса капитализма, основанного на протестантской этике, с переживаемым миром глубоким кризисом. В дискуссиях приняли участие всемирно известные философы, экономисты, социологи, представители конфессий. Оценка взглядов Макса Вебера в свете глубокого финансово-экономического кризиса получила отражение и в выступлениях российских протестантов.

Публикации выдающегося немецкого социолога Макса Вебера вызвали огромный интерес уже при его жизни. С откликами на воззрения Вебера по широкому кругу проблем, рассматривавшихся в его трудах, выступали крупные учёные разных стран мира, экономисты, публицисты, теологи крупных конфессий. Влияние веберовских идей просматриваются в ряде работ русского религиозного философа С.Н. Булгакова, например, в докладе «Народное хозяйство и религиозная личность» и знаменитой «веховской» статье «Героизм и подвижничество»[1]. И наряду с позитивными оценками с М. Вебером, по словам известного исследователя веберовского наследия Юрия Давыдова, «с М. Вебером "сводили счеты" многие». В 20-30-е годы взглядам М. Вебера пришлось выдержать волну критики, инициированную неомарксистами, но своей критикой они, в конечном счете, оказали известную услугу Веберу: их критические высказывания пробудили интерес к веберовской теме в широких кругах западной социологической и «околосоциологической» общественности»[2].

В 70-80е годы XX века наступает «веберовском ренессанс», о котором довольно подробно пишут П. Гайденко и Ю. Давыдов в книге «Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс»[3].

Разразившийся мировой кризис существенно актуализировал внимание к представлениям Макса Вебера о природе капитализме и его перспективах. Центральное место в возникшей дискуссия заняли вопросы о том, насколько точно тезис об определяющей роли этики протестантизма соответствует процессу становления капитализма и действительно религиозно-нравственные установки протестантизма образуют « дух капитализма»?

Авторитетный протестантский публицист и философ Игорь Подберёзский не соглашается с раздающимися утверждениями об устарелости веберовского понимания роли религиозного фактора в становлении капитализма, в формировании нового типа хозяйствования. В его статье «Или Макс Вебер, или Карл Маркс» учению Маркса об определяющей роли социально-экономических факторов в становлении капитализма, культуры труда и хозяйствования данного этапа в развитии человечества противопоставляются взгляды Макса Вебера.

Марксисты, полагает И. Подберёзский, «предлагают анализ этих структур, их разоблачение, а потом преобразование «на разумных началах» - знаменитое «изменить мир»[4]. Несостоятельность приведён-

[1] Героизм и подвижничество. Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

[2] Подвойский Д.Г., Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998.

[3] Гайденко 11.11., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренесанс. М., 2010.

[4] Подберёзский И. Или Маркс Вебер, или Карл Маркс. Протестант, июнь 2010.

ного хрестоматийного тезиса марксисткой теории иллюстрируется на примере России, где принялись наиболее рьяно менять старый жизненный уклад. Это привело к столь печальным результатам, что поневоле вспомнишь приписываемое Бисмарку изречение: «Для строительства социализма надо выбрать страну, которую не жалко»[1].

Как и марксистский, продолжает, И. Подберёзский, веберовский подход считает существующие экономические порядки несправедливыми, их действительно можно изменить, «но не через «изменить мир», ибо остаётся прежняя культура - та трудноуловимая среда, в которой структуры существуют и которой они порождаются. «Культура с удручающей неизбежностью воспроизведет прежние несправедливые структуры, как правило, в ухудшенном виде. В чем россиянам пришлось убедиться на собственном горьком опыте - все плохое, что было в дореволюционной России, сохранилось и приумножилось (плюс религиозные гонения), все хорошее погибло, кто знает, может быть, безвозвратно»[2]. Порочность основного постулата политэкономии марксизма протестантский публицист и философ видит в игнорировании греховной природы человека, которая сказывается и на структурах, и на всей культуре. «Жизнь можно и должно улучшать, но для этого надо услышать голос Бога и всегда следовать ему. Протестанты, как полагают, услышали, стали жить, повинуясь этому голосу, что привело к улучшению жизни многих миллионов людей[3].

В ряде публикаций признаётся методологическая ценность роли протестантской этики в формировании западного капитализма. Отдавая должное заслуге Макса Вебера, Олег Виханский, доктор экономических наук, профессор, директор Института комплексных стратегических исследований, признаёт, что «у истоков либерального капиталистического рынка стояли купцы и ремесленники, следовавшие принципам доверия, ответственности, уважения к клиенту и партнерам. Профессор Виханский, правда, отмечает, что во многом высокая этичность поведения определялась малым размером очень локализованных рынков, а также долгосрочностью деловых и просто личных контактов с клиентами, деловыми партнерами, местным сообществом. «Это накладывало огромный отпечаток на самих деловых людей, на их роль и место в окружении, на восприятие и строительство бизнеса»[4].

Как считает автор рассматриваемой публикации, этические основания, но уже в не в протестанской версии, оказали влияние и на становление капитализма в России. Купцы и заводчики-староверы жестко следовали принципам деловой этики. Бизнес должен быть доходным, но честным и справедливым, данное клиенту или партнёру слово - закон. Встречавшиеся примеры неэтичного поведения в бизнесе, были не нормой, а исключением. Профессор Виханский называет множество факторов, породивших сильные отклонения капитализма от его исходных начал и создавших современный хищнический капитализм. И хотя и не без тяжелых жертв XIX и XX века, экономика вошла в русло цивилизованного постиндустриального капитализма, однако основополагающие нормы морали и этики бизнеса в полной мере не вернулись[5].

Учение Макса Вебер в контексте современного финансово- экономического кризиса исследует и видный французский философ и писатель Андре Глюксман. Свои мысли он изложил в статье «Финансовый кризис эпохи постмодерна», сопровождённый не менее выразительным подзаголовком - «Мы жили в фантазиями о всемогуществе». Статья, опубликованная в журнале «Форбс» (США), начинается с констатации исторической обусловленности кризиса. «Крупные экономические кризисы, подобные тому, который мы переживаем сегодня, не возникают ни с того ни с сего; они напичканы историей. Это кризисы этоса капитализма». Как явствует из содержания статьи, под этосом капитализма понимается совокупность стабильных черт капиталистического функционирования общества. И далее Андре Глюксман формулирует своё отношение к сути учения Вебера о решающем влиянии протестантизма (в кальвинистской версии) на возникновение и развитие капитализма. «Провозгласив кальвинизм источником современности, Макс Вебер был неправ, сосредоточившись исключительно на протестантской этике, но верно указал на коллективное нравственное посвящение, стоявшее за этими рыночными механизмами»[6]. В этой оцен-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Виханский О. Homo conomicus должен умереть. Эксперт, № 17-18(656). 11.05.2009.
[5] Там же.
[6] Форбс. 14.01.2009.

ке, с одном стороны, отмечается односторонность сведения Вебером движущих сил капитализма к кальвинизму, но, с другой стороны, он же признаёт верными, описанные тем же Вебером религиозно-нравственные основания рыночных механизмов. Вебер не считал кальвинизм «вечным источником «капитализма»», отмечая лишь решающую роль этого направления в протестантизме в генезисе капитализма, иллюстрируя на многих примерах превосходство протестантской этики над иными духовными стимулами трудовой деятельности.

Французский мыслитель считает, что видимые признаки распада религиозно-нравственных оснований хозяйствования стали проявляться после Первой мировой войны. «Война 1914-1918 гг. привела к появлению на свет буржуа-паникёров и транжир вместо осторожных, бережливых буржуа. «Война открыла возможность потребления всем и тщетность воздержания многим», - подметил в 1920 г. Джон Мейнард Кейнс. «Возможно, трудящиеся классы уже не будут готовы отказывать себе в столь многом, а капиталистические классы, более не уверенные в будущем, возможно, будут стремиться более полно пользоваться свободами потребления, пока они у них есть»[1].

Не менее серьёзные негативные последствия для протестантизма, как, впрочем, для религии в целом имело широкое распространение постмодернизма.

Французский мыслитель не случайно уже в подзаголовке статьи напоминает о связи финансово-экономического кризиса с постмодернизмом, проникшим в самые различные сферы духовной жизни. Постмодернизм, - отмечается в статье, ставит себя выше добра и зла, выше истины и лжи. И он не мог не оказать разрушительное воздействие на устоявшиеся религиозно- нравственные императивы, провозглашая их условными, фикциями. Констатируя упадок тоталитарных идеологий, тщетность их попыток подчинить ход истории, потсмодернизм выдвигает в качестве главного творческого принципа радикальный плюрализм мировоззренческих моделей и языков культуры. Реабилитируя человеческую субъективность, постмодернисты уравнивают в правах факт и фикцию, придают особую значимость продуктивным возможностям воображения.

Торжествующее вторжение установок постмодернизма Глюксман связывает с падением коммунизма и появлением буржуазии, «для которой говорить значит делать». Новая этика оставила позади все страхи и упрёки и взяла на вооружение кредо постмодерна, согласно которому все бесы мертвы». Настало милостивое царствование постмодернизма, после окончания «холодной войны» казалось, что перспектива всеобщего мира благословляет историю постмодерна без вызовов, без конфликта, без трагедии - историю, в которой дозволено всё. Мы пожинаем последствия излишней самоуверенности, страдая от отсутствия Кассандры. Здесь реальность основана на словах.

«Спекулятивный пузырь был основан на тезисе, который сам служил себе доказательством. Точно так же финансовый пузырь, нагромождая одни кредиты на другие, разбогател на самоутверждении. Оно заключалось в его самотождественности - в том, что делало его пузырём. Постепенно он ликвидировал принцип реальности: значения не имеет ничего, кроме финансовых продуктов, созданных инвестициями людей»[2].

Видя глубинную причину кризиса в постмодернизме, обитающем в космическом пузыре, Глюксман в то же время не теряет оптимизма. Было бы хорошо, если бы страх хорошо, если бы страх перед вселенским кризисом позволил нам проткнуть ментальный пузырь постмодернизма - если бы он смыл эйфорию наших благих пожеланий и вновь позволил нам смотреть правде в глаза. «Возможно, это всего лишь очередное благое пожелание. Но мы не должны поддаваться катастрофической чувствительности, которой поддались столь многие в 1920-е»[3].

Хотя в светских академических кругах и преобладает критическое отношение к роли протестантизма в общественно-экономическом процессе, ряд авторитетных представителей научной мысли не только позитивно оценивают вклад протестантизма в стимулирование «экономического поведения», но и связывают с протестантской моралью преодоление кризиса. Такой позиции придерживается директор Института мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины Юрий Пахомов. Он воспроизводит широко распространённую трактовку причин мирового финансово-экономического кризиса. По его словам, «нынешний кризис - это господство финансов над

'Форбс. 14.01.2009.
[2] Форбс. 14.01.2009.
[3] Там же.

производством. Это преобладание виртуального мира над материальным. Европа должна умерить свою алчность, которая является глубинным источником всех кризисов на нынешнем этапе». Преодоление кризиса академик видит в возращении к ценностям протестантизма. «Потому что протестантизм - антипод алчности. Но поскольку эти ценности рухнули, господствует жажда наживы, как следствие периодические - кризисы. Пока работает модель доминирования финансового сектора над материальным производством, кризисы неустранимы», убеждён Юрий Пахомов[1]. Он не согласен видеть природу кризиса только в ипотеке и финансах. Сама ипотека, с которой начался финансовый кризис в Америке, просто была слабым звеном, через которое проявился весь негатив, накопившийся в этой стране. На самом деле, существую две более глубокие причины кризиса: первая - «деградация традиционных для протестантизма ценностей», вторая - «либеральная модель экономики. Ценности протестантизма - это рационализм, стремление стать богатым, но при условии скромного образа жизни»[2].

Эти ценности, носителями которых были пуритане, начали деградировать. «Образовавшийся вакуум был заполнен другой идеологией и противоположной системой ценностей. На сегодняшний день все свелось к потребительской модели общественного устройства», «происходит полная смена образа жизни, образа мышления, целевых установок», - убеждён академик[3].

Позиция украинского академика не может не вызвать поддержки и одобрения у каждого, испытавшего на себе, близких пагубные последствия глубокого финансово-экономического кризиса. Миллионы граждан бывшего Советского Союза стали свидетелями «триумфального шествия» агрессивной модели либерализма, превратившего миллионы людей в изгоев общества, поставив их на грань выживания. Поэтому противопоставление этой модели религиозно-нравственных стимулов протестантизма пробуждает надежду на выздоровление общества. Однако такая надежда останется всего лишь мечтой, если она будет основана только на констатации благотворного влиянии ценностей протестантизма на экономическую жизнь прошедших столетий. Для возврата к ценностям протестантизма необходимо множество условий. Одно из них - готовность самих протестантов взять на себя «бремя перемен», а для начала явить своим отношением к труду готовность создать в пучине либерализма «оазисы» хозяйствования, основанные на предписаниях кальвинизма. Пока же такая готовность обнаруживается в небольших хозяйственных объединениях, не оказывающих сколько-нибудь заметное влияние на экономику государств с преобладанием последователей протестантизма.

Признание методологической неприменимости в наши дни веберовского учения об определяющем влиянии протестантской этики на возникновение и развитие капитализма в то же время сопровождается стремлением сохранить «рациональное зерно» этого учения, истолковывая его в светских терминах.

Такой подход к наследию Макса Вебера более десяти лет формулирует екатеринбургский философ и социолог Владимир Соковнин. Он признаёт ценность суждений Вебера о роли «мирского аскетизма», этот мирской аскетизм прекрасно вписывался в повседневную жизнь, провозглашал святость труда, воздержания от излишеств во всём, трезвый образ жизни, трудовое служение обществу и стране. «Как показал замечательный социолог Макс Вебер, мирской аскетизм в соединении с протестантством позволил народам Западной Европы, а затем и переселенцам в Америку, развить капитализм, промышленность, предпринимательство. В этом процессе экономического взлёта и капитализации человечества велика заслуга мирского, светского аскетизма»[4].

Но сегодня мирской аскетизм, утверждает В. Соковнин, по сути, умер. И как это ни парадоксально будет звучать, мирской аскетизм протестантов сам себя и умертвил. «Протестанты породили мирской аскетизм и они же допустили несколько смертоубийственных ошибок, которые и похоронили мирской аскетизм». Главная, роковая ошибка состояла в разрешении заниматься накопление капиталов. Труд мирского аскета был освящён как первостепенная святость христианина, и при таком подходе он становился профессионально качественным, этим гордились»[5].

Увеличение прибыли позволяло не только комфортно, но и роскошно жить. И здесь протестант-

[1] Портал. Экономические новости. 25.11.2010.
[2] Там же.
[3] Там же.
* Аскет XXI века. Екатеринбург. 2010.
[5] Там же.

екая этика даёт сбой. Идеологи протестантизма разрешили копить и тратить на дорогие вещи. «И постепенно зажиточные протестанты стали развращаться богатством, а потом пустились и в презираемое прежде ростовщичество, в роскошь. И мирской аскетизм был взорван изнутри, редко кто устоял от чрезмерного гедонизма, от сетей удовольствий и наслаждений»[1].

В суждениях В. Соковнина о «смерти мирского аскетизма» обращает на себя внимание свойственная публицистическим сочинениям поверхностность аргументации. Такая особенность прослеживается в обосновании причины «ухода в небытие» мирского аскетизма как ключевого содержательного компонента разработанного Вебером учении о влиянии протестантской этики на становление и развитие капитализма. В. Соковнин обходит стороной весьма существенный вопрос о том, почему в развитой стадии развития капитализма ослабевает функция протестанской этики как регулятора экономического поведения. Роль могильщика мирского аскетизма он видит в разрешении заниматься накоплением капитала, развратившего зажиточных протестантов, которые вместо занятия продуктивным трудом и соблюдением бережливого образа жизни, погрязли в роскоши, стали исповедовать гедонизм в качестве своей жизненной философии.

Между тем, накопление капитала явилось объективным процессом, отличным от накопления богатства как средства накопления и образования сокровищ или денег. Под накоплением же капитала понимается процесс воспроизводства и капитала (возобновления с приращением). В дальнейшем накопленный капитал тратится не только на удовлетворение собственных потребностей, но и превращается в новые элементы капитала - дополнительные средства производства и дополнительную рабочую силу.

Не следует забывать и о том, что накопление капитала диктуется и рыночным характером экономики, для которой характерна конкуренция. Для придания устойчивости и конкурентоспособности наличный капитал нуждается в не только в постоянном самовоспроизводстве, но и в накоплении.

Накопление капитала явилось объективным процессом, отличным от накопления богатства как средства накопления и образования сокровищ или денег. Под накоплением же капитала понимается процесс воспроизводства и капитала (возобновления с приращением). В дальнейшем, накопленный капитал тратится не только на удовлетворение собственных потребностей, но и превращается в новые элементы капитала — дополнительные средства производства и дополнительную рабочую силу. Не следует забывать и о том, что накопление капитала диктуется и рыночным характером экономики, для которой характерна конкуренция. Однако нельзя отрицать и практику когда капиталист всю полученную им прибавочную стоимость «проедает», тратит в интересах удовлетворения собственных потребностей (для приобретения предметов потребления). Однако такие ситуации являются скорее исключением, чем правилом. Как отмечается в экономической литературе, данное положение особенно актуально для современной России, когда новые капиталисты как быстро обогащаются, так быстро и разоряются, «прожигая» свой капитал в чрезмерном, неумеренном, необоснованном потреблении».

В. Соковнин выстраивает и обосновывает грандиозную по замаху концепцию «светского аскетизма», противоположную аскетизму религиозному. Эта концепция вбирает в себя безграничное множество учений, движений и рекомендаций, начиная от экологии и кончая способов противодействия шкальному нарастанию потребностей и потребительства. «Светский аскетизм» позиционируется как антикризисная философия, суть которой состоит в девизе: «жить так, чтобы не наносить вреда обществу, довольствоваться необходимым и не опускать себя в омут излишеств, развращающих и убивающих и дух, и тело». Человечеству для выживания и развития нужны люди крепкие телом и духом, а не наркоманы и хлюпики, жиреющие маразматики и роскошествующие параноики и психопаты. Они-то и тащат человечество в кризисы»[2].

В отличие от образа жизни такой породы людей мирской аскетизм - это чистый и социально полезный вид поведения в обществе. По принципам «не вреди», «помоги», «будь чист и честен». При такой культуре нет места показному гламурному фанфаронству, погоне за престижными штучками и статусами, стяжательству, зависти, коррупции и прочим мерзостям кризисного существования.

Сам факт возвращения к творческому наследию Макса Вебера в процессе обсуждения постигшего мир финансово-экономического кризиса является

[1] Там же.

[2] Академия светского аскетияма Владимира Соковнина. В)Г, 4 июня 2011.

вполне оправданным и закономерным. Поскольку обвальный кризис не только привёл к «разбалансировке» базисных оснований устоявшихся финансово-экономических механизмов, но и поставил под сомнение существующий тип общественно-экономического устройства. И поскольку, согласно получившему широкое распространение представлению о том, что генезис современного капитализма корениться в протестантской этике, то разразившийся глобальный кризис наглядно демонстрирует несостоятельность вывода о протестантской этике как «духе капитализма».

Макс Вебер, разумеется, не мог предвидеть изменений, охвативших функционирование экономической жизни, особенно во второй половине XX и начале XXI веков.

Ряд таких изменений привели к увеличению неравенства между социальными группами, размывали совокупность отношений в духе доверия, надёжности, уважения к правилам, которые необходимы каждому гражданскому обществу. Но и в своих публикациях Вебер не идеализировал капитализм и не видел в протестантской этике решающее условие его стабильности и процветания. «Ещё менее мы склонны утверждать, конечно, - пояснял он, - что субъективное усвоение этих этических положений отдельными носителями капиталистического хозяйства, будь то предприниматель или рабочий современного предприятия, является сегодня необходимым условием дальнейшего существования капитализма. Современный капиталистический хозяйственный строй - это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае, для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными»[1].

Вебер - не спекулятивный философ, и его гипотеза о роли этики протестантизма в возникновении капиталистической формы хозяйствования опирается на конкретную эмпирическую информацию. Её изучение убедило немецкого мыслителя М. Вебера в поверхности стандартного сведения сути капитализма к: «стремлению к наживе», «стремлению к предпринимательству», «к наибольшей денежной выгоде». Такие стремления наблюдались и у официантов, врачей, кучеров, художников, кокоток, чиновников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих. Труд Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» предостерегает от облегченного отношения к глобальному кризису, призывая видеть сложность и драматизм нынешнего экономического положения.

Скрупулёзный и честный анализ Максом Вебером сложнейшей проблемы генезиса капитализма служит и предостережением от упрощённых и облегчённых подходов к осмыслению социально-экономических проблем, в том числе причин кризиса и путей его преодоления.

© Тихоненко О.О., 2011

Вебер Макс. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.